

Научная статья

JEL: K15

УДК: 341.9

DOI:10.17323/2072-8166.2025.1.191.216

Децентрализованные автономные организации (ДАО): проблемы квалификации и выбора применимого права

Елена Александровна Крутий

Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, 153002 Иваново, ул. Жиделева, 8,

ekrutij@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4201-5377>

Аннотация

Децентрализованные автономные организации (ДАО) получают все большую популярность в интернет-пространстве, а с ней — и признание в правовых системах различных государств. Данный процесс связан прежде всего с развитием криптоиндустрии, легализацией майнинга, в том числе в России. Майнинг может осуществляться субъектами как самостоятельно, так и путем объединения в майнинг-пулы, имеющие сходную с ДАО природу. Отличительной чертой данных организаций является децентрализованный характер процессов управления и функционирования, в которые оказываются вовлечены практически все участники сетевого сообщества. Деятельность ДАО носит трансграничный характер, что позволяет рассматривать ее в качестве специфического участника международных частных правоотношений. Данное правовое явление требует отдельного изучения таких проблем в МЧП, как квалификация ДАО и разрешение предварительного коллизионного вопроса, а также формулирование основных подходов к выбору применимого права. В статье на основе сравнительно-правового и формально-юридического методов выделены и рассмотрены квалифицирующие признаки ДАО: цифровая форма корпоративных правоотношений, децентрализованность, автономность, конфиденциальность и подчиненность *lex cryptographica*. Оптимальным решением предварительного коллизионного вопроса признается квалификация ДАО по праву страны, в которой она была создана. Если место учреждения ДАО установить невозможно, допускается ее квалификация по праву суда.

Выбор компетентного права ставится в зависимость от вида ДАО. В отношении цифровых юридических лиц и юридически оформленных элементов гибридной ДАО будут применяться традиционные коллизионно-правовые принципы. Правом, применимым к «чистой» ДАО, предлагается считать право, регулирующее лежащее в основе сетевого сообщества соглашение между его участниками. В свете указанных подходов предпринята попытка определить правовой статус ДАО и их коллизионно-правовое регулирование с точки зрения российского международного частного права. ДАО соотносится с такими известными нашему праву корпоративными формами, как простое товарищество, общественная организация без образования юридического лица и гражданско-правовое сообщество.

Ключевые слова

международное частное право; организация; квалификация; децентрализованная автономная организация; *lex cryptographica*; цифровое юридическое лицо; гибрид.

Благодарности: статья опубликована в рамках проекта по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций в научных изданиях НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Крутий Е.А. Децентрализованные автономные организации (ДАО): проблемы квалификации и выбора применимого права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Том 18. № 1. С. 191–216. DOI:10.17323/2072-8166.2025.1.191.216

Research article

Decentralized Autonomous Organizations (DAOs): Challenges of Qualification and Choice of a Law Applicable

Elena A. Krutiy

Ivanovo Branch, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 8 Zhideleva Str., Ivanovo 153002, Russia, ekrutij@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4201-5377>

Abstract

Decentralized Autonomous Organizations (DAO) are becoming increasingly popular in the Internet space, and with it the recognition in the legal systems of various states. This process is primarily associated with development of the crypto-industry, legalization of mining, including in Russia. The mining can be carried out by entities both independently and by joining mining pools, which have a nature similar to a DAO. The distinctive feature of these organizations is the decentralized nature of management and functioning processes, in which almost all participants of the network community are involved. The activity of DAO is of a cross-border nature, which allows to consider it as a specific

subject of private international legal relations. This legal phenomenon requires a separate study of such problems in the PIL as the qualification of DAOs and the resolution of the subsidiary conflict of laws question, as well as the formulation of the main approaches to the choice of applicable law. On the basis of comparative-legal and formal-legal methods the following qualifying features of DAOs are identified and considered: digital form of corporate legal relations, decentralization, autonomy, confidentiality and subordination to *lex cryptographica*. The optimal solution to the subsidiary conflict of laws question is to qualify the DAO under the law of the country where it was created. If it is impossible to establish the place of the creation of the DAO, then its qualification by *lex forum* is permitted. The choice of the competent law depends on the type of DAOs. Traditional conflict of laws principles would apply to digital legal entities and legally constituted elements of a hybrid DAO. The law applicable to a “pure” DAO is proposed to be the law governing the underlying agreement between the participants of the network community. Taking into account these approaches, the author attempts to determine the legal status of DAOs and their conflict of laws regulation from the point of view of Russian private law. The DAO is correlated with such corporate forms known to the law as simple partnership, social organization without the status of a legal entity and civil law community.

Keywords

private international law; organization; qualification; decentralized autonomous organization; *lex cryptographica*; digital legal entity; hybrid.

Acknowledgments: the paper is published within the project of supporting publications of the authors of Russian educational and research organizations in the Higher School of Economics academic publications.

For citation: Krutiy E.A. (2025) Decentralized Autonomous Organizations (DAO): Challenges of Qualification and Choice of Law Applicable. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 18, no. 1, pp. 191–216 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2025.1.191.216

Введение

Децентрализованная автономная организация (далее — ДАО) — новое социальное явление, связанное с объединением различных граждан и организаций в онлайн-сообщество ради достижения общей цели предпринимательского или иного характера. Современные ДАО занимаются выполнением как конкретных задач внедрения перспективных информационных технологий, так и глобальных (кажущихся пока фантастическими) задач. Так, Dash DAO, называющая себя первой в мире децентрализованной организацией, стремится масштабировать платежную систему с использованием собственной цифровой валюты Dash¹. На момент написания ста-

¹ Dash Ecosystem Overview. Available at: <https://media.dash.org/wp-content/uploads/Dash-Ecosystem-English-2022-05-11.pdf> (дата обращения: 10.10.2024). Слово «Dash» является аббревиатурой от «Digital Cash» («цифровая наличность»).

тью Dash DAO включала 3 280 активных участников — мастернод² с расположением узлов в 46 странах³. В то же время Asgardia DAO работает над созданием новой правовой платформы для исследования околоземного пространства и дальнего космоса с целью выживания человеческой цивилизации, включая создание условий рождения ребенка в космосе. Данная организация, объединяющая 1 118 270 участников, именуется цифровым государством, которое осуществило запуск спутника и претендует на членство в ООН⁴.

Вовлеченность в подобную сетевую деятельность лиц из различных государств придает ДАО трансграничный характер. Как отмечает швейцарский профессор Ф. Гийом, «ДАО по своей сути являются международными организациями (international entities), что требует первоначального анализа через призму международного частного права» [Guillaume F., 2023: 136, 139]. Споры с участием данного субъекта предполагают разрешение конфликта законов и юрисдикций. Однако отсутствие разработанного правового регулирования ДАО, ее функционирование в виртуальном пространстве без устойчивой связи с территорией государства порождает ряд проблем при обращении к традиционным институтам и доктринам международного частного права (далее—МЧП).

1. Проблема квалификации ДАО в МЧП

Децентрализованная автономная организация в широком смысле толкуется как новый тип онлайн-организации, управляемой посредством набора самоисполняемых правил, развернутых на публичном блокчейне, и объединяющей участников ради достижения общей

² Мастернод («полный узел») — операционный узел в блокчейне или его владельцы, которые работают на втором уровне сети Dash DAO, контролируя правильность блоков, сформированных майнерами на первом уровне сети, и оказывая дополнительные жизненно важные услуги по обеспечению конфиденциальности и мгновенности финансовых операций, а также вправе голосовать по вопросам управления организацией. См.: Основы мастернод. Available at: URL: <https://docs.dash.org/ru/stable/docs/user/masternodes/understanding.html#masternodes-vs-mining> (дата обращения: 10.10.2024)

³ See: Dash Blockchain Explorer. Available at: <https://blockchair.com/dash> (дата обращения: 10.10.2024); Как работает DASH DAO? Мастерноды и предложения. Available at: URL: <https://www.icolistingonline.com/ru/dash-101/how-dash-dao-works/> (дата обращения: 10.10.2024)

⁴ См.: Концепция «Асгардия—Космическая Нация». Available at: <https://asgardia.space/ru/site-map> (дата обращения: 10.10.2024); Конституция Космического королевства Асгардия. Available at: URL: <https://asgardia.space/assets/doc/constitution/russian.pdf> (дата обращения: 10.10.2024)

коммерческой или некоммерческой цели [Riva S., 2019/2020: 614]; [Hassan S., De Fillippi P., 2021: 2]. Она не является самостоятельной организационно-правовой формой и поэтому не охвачена специальным правовым режимом⁵. Иностраный элемент в ДАО может выражаться в иностранном участнике, использовании иностранного сервера, выпуске цифровых активов в иностранном государстве, распространении деятельности сообщества на зарубежный рынок.

Обращение к той или иной коллизионно-правовой норме напрямую зависит от квалификации ДАО. Унифицированный подход к определению данного объединения не сложился, поэтому необходимо выявить его характерные признаки для отграничения ДАО от известных праву традиционных юридических лиц и для классификации онлайн-организаций.

1.1. Квалифицирующие признаки ДАО

К ним следует отнести: цифровую, основанную на блокчейне, форму корпоративных отношений; децентрализованность; автономность; конфиденциальность; подчиненность правилам *lex cryptographica*.

Цифровая форма корпоративных отношений как внутри ДАО, так и при ее взаимодействии с внешним миром, базируется на технологии блокчейна. Блокчейн обеспечивает обработку и хранение данных о юридически значимых действиях (транзакциях) в системе узлов на различных компьютерах. На основе этой технологии оформляется вступление в сетевую организацию, принятие корпоративных решений, распределение вознаграждений между участниками, финансирование проектов, реализация произведенного продукта (токена или цифровой услуги). Данная техническая характеристика предопределяет остальные особенности организации.

Такие признаки, как децентрализованность и автономность, относятся в первую очередь к заложенной в ДАО новой модели управления.

Децентрализованный характер связан с «рассредоточением контроля и полномочий по принятию решений» в организации⁶. Как отмечает В.А. Кондырев, децентрализация имеет место в случае

⁵ Decentralized Autonomous Organizations. A scoping paper of the Law Commission of England and Wales on 11.07.2024, p. VI. Available at: <https://cloud-platform-e218f50a4812967ba1215eaccede923f.s3.amazonaws.com/uploads/sites/30/2024/07/DAOs-scoping-paper-110724.pdf> (дата обращения: 10.10.2024)

⁶ Ibid.

«отсутствия единственного центра принятия решений», т.е. при наличии хотя бы двух независимых центров [Кондырев В.А., 2018: 27]. Применительно к ДАО децентрализация означает «передачу контроля и полномочий по принятию решений от централизованного объединения (отдельного человека, корпорации или группы людей) в пользу рассредоточенной сети» [Binetti V.M., 2023: 13]. Средством децентрализации управления выступает так называемый распределенный консенсус — согласование политики или текущей деятельности организации путем голосования владельцев узлов на основе блокчейн-протоколов.

Корпоративное управление ДАО приобретает новое качество. В традиционных корпорациях компетенция распределяется между несколькими органами, образующими централизованную иерархическую структуру управления. Как правило, одни органы подчиняют себе другие, решения одних органов имеют большую юридическую силу, чем решения других. Основное достоинство управления ДАО — предоставление участникам равной возможности для влияния на организацию за счет использования децентрализованных информационных технологий.

Данная особенность отражена в Типовом законе COALA о ДАО, толкующем ее как программное обеспечение, «смарт-контракты, размещенные в системе публичного блокчейна без разрешения, которая реализует правила принятия решений и управления, оставляя множеству участников возможность децентрализованно координировать их действия»⁷. В одном из немногочисленных в рассматриваемой сфере судебных решений децентрализованность описана следующим образом: «ДАО позволяют «несвязанным сторонам» использовать программный код на блокчейне, не нуждаясь в «централизованном координирующем органе», а пользователям — «предпринимать действия по редактированию программного обеспечения с открытым исходным кодом»⁸.

Автономный характер ДАО связан, во-первых, с автоматически осуществляемой деятельностью на основе компьютерного кода (технический аспект), во-вторых, с отсутствием «излишнего внешнего

⁷ Model Law for Decentralized Autonomous Organizations. Available at: <https://coala.global/wp-content/uploads/2022/02/Essentials-Model-Law-of-Decentralized-Autonomous-Organizations.pdf> (дата обращения: 10.10.2024). Далее — Типовой закон о ДАО.

⁸ Commodity Futures Trading Commission v. Ooki DAO, 3:22-CV-05416-WHO.Dkt. No. 76. Filed 06.08.2023. Available at: <https://www.courtlistener.com/docket/65369411/commodity-futures-trading-commission-v-ooki-dao/> (дата обращения: 10.10.2024)

вмешательства» в жизнь онлайн-сообщества и «внутреннего (или централизованного) контроля» за деятельностью (управленческий аспект).

Конфиденциальность в ДАО означает состояние неизвестности конкретных ее участников, возможность сохранения их анонимности. Регистрация участников в системе блокчейна может осуществляться исключительно по публичным адресам в виде строк символов, без использования других персональных данных⁹.

Подчиненность ДАО правилам *lex cryptographica* обусловлена идеей о возможности существования группы и ведения ею деятельности вне традиционных, сложившихся в обществе социальных, политических и правовых систем. Функции данных систем создатели децентрализованной технологии заменили совокупностью протоколов, переведенных в код правил, развернутых поверх основанной на блокчейне сети [De Filippi P., Wright A., 2018: 205–206]. Частная, или негосударственная система правил, обеспечивающая взаимодействие участников сетевого сообщества на основе блокчейн-протокола (кода), получила название *lex cryptographica* [Мажорина М.В., 2019: 105]; [De Filippi P., Hassan S., 2017: 88–89]. Специфика регулирования ДАО проявляется в одновременном функционировании двух систем: законодательства и разработанной сообществом нормативной системы, самоопределимой и автономной, т.е. действующей независимо от государственного органа или иного централизованного контроля [De Filippi P., Wright A., 2018: 193, 206]. Правила *lex cryptographica* содержатся в Белых книгах, дорожных картах ДАО. Они описывают технические и теоретические условия применения алгоритмов, программных протоколов и компьютерных кодов, цели и задачи сообщества, структуру управления, систему распределения доходов, ответственность участников.

Например, внутрикорпоративная нормативная система Dash ДАО включает Белую книгу, предложения об улучшении криптовалют Dash и Bitcoin, оригинальную техническую концепцию Darkcoin¹⁰, техническую концепцию Instant Send¹¹, дорожную карту сообщества. В частности, в Белой книге Dash ДАО можно найти разделы о:

- преимуществах криптовалюты Dash;
- работе сети мастернод (главных узлов) и программе их вознаграждения;

⁹ Decentralized Autonomous Organizations. A scoping paper... pp. IV–V, XI.

¹⁰ Darkcoin — прежнее название криптовалюты Dash.

¹¹ Instant Send — технология обеспечения высокой скорости транзакций в сети Dash.

специальном алгоритме (коде) по выбору мастернод с учетом их вклада в работу сети;

условиях получения статуса владельца мастерноды (внесение обеспечения в размере 1 000 Dash);

порядке взаимодействия активных мастернод при проверке блоков транзакций;

анонимности и безопасности сети.

Предложение об улучшении сети Dash и ее дорожная карта в основном регулируют порядок запуска новой Dash Platform. Данная платформа будет базироваться на двух блокчейнах, что создаст дополнительные удобства пользователям и они смогут осуществлять платежные операции с криптовалютой практически с любого компьютера и гаджета¹².

Таким образом, *lex cryptographica* — негосударственная нормативная система, альтернативный источник МЧП и разновидность *lex informatica*¹³. С одной стороны, *lex cryptographica* конкурирует с отдельными национальными правовыми порядками, с другой — восполняет в них пробелы. Специальные законы о ДАО приняты только в некоторых государствах, а правовые институты и конструкции не всегда оказываются действенными. В целях продвижения новых централизованных технологий требуется адаптация *lex cryptographica* (в особенности, правил об организации корпоративного децентрализованного управления) в системах национального права.

1.2. Классификация ДАО

Перечисленные в предыдущем разделе признаки ДАО позволяют распространить данное понятие как на корпоративные, так и договорные объединения участников в сети. Наиболее значимой с точки зрения частного права является классификация ДАО в зависимости от степени децентрализации управления внутри сообщества. В рамках данного критерия Законодательная комиссия Англии и Уэльса выделила следующие виды ДАО: цифровые юридические лица (наименьшая степень децентрализации), гибридные и «чистые» ДАО (наибольшая степень децентрализации)¹⁴.

¹² Что такое Dash? Available at: <https://docs.dash.org/projects/platform/en/stable/docs/intro/what-is-dash.html> (дата обращения: 10.10.2024)

¹³ Под *lex informatica* понимается свод правил трансграничных электронных транзакций [Гетьман-Павлова И.В., 2024: 221–222].

¹⁴ Decentralized Autonomous Organizations. A scoping paper ... pp. 37–119.

Цифровые юридические лица — «структуры, в которых учрежденное юридическое лицо использует цифровые технологии путем применения смарт-контрактов или DLT как основы своей деятельности или управления»¹⁵. Данные организации характеризуются технически децентрализованным проведением корпоративных процедур, прежде всего процедуры принятия корпоративных решений. ДАО здесь выступает способом внутренней организации компании с использованием блокчейна, а также способом ведения деятельности в пространстве Web 3 [Guillaume F., 2023: 138].

В качестве цифрового юридического лица может выступать как традиционное юридическое лицо, так и новая организационно-правовая форма, разработанная законодателем специально для нужд ДАО. К последним относятся основанная на блокчейне ООО (Blockchain-based Limited Liability Companies, BLLC; штат Вермонт), ООО ДАО (DAO LLC; штаты Вайоминг, Теннесси), децентрализованное автономное общество (Маршалловы Острова) [Сидоренко Э.Л., 2024: 123–128], ДАО с ограниченной ответственностью (Limited Liability Decentralized Autonomous Organization, LLD; штат Юта)¹⁶, децентрализованная не инкорпорированная некоммерческая ассоциация (Decentralized Unincorporated Non-Profit Associations, DUNA; штат Вайоминг)¹⁷. ДАО, в которых код соответствует национальному законодательству, называют «регулируемыми ДАО» [Riva S., 2019/2020: 619].

Гибридные ДАО — «структуры, сочетающие основанную на смарт-контрактах координацию с преднамеренным использованием одной или нескольких правовых форм или отдельных юридических лиц»¹⁸. Данный вид объединяет несколько правовых форм, распределяя между ними корпоративный контроль. Юридическое лицо в составе гибридной ДАО выполняет часть управленческих и операционных функций, играя роль как называемой «юридической оболочки» (legal wrapper), в качестве которой, например, в Швейцарии чаще всего выступают ассоциации и фонды [Guillaume F., 2023: 138]. Хотя выбор гибридной формы неизбежно ведет к некоторой централизации управления, он вносит определенность в налоговые

¹⁵ Ibid., p. 39.

¹⁶ Decentralized Autonomous Organizations Act (Utah Code Ann. §48-5-101-406). House Bill, 2023, no. 357.

¹⁷ Wyoming Decentralized Unincorporated Nonprofit Association Act of 07.03.2024. Senate File, 2024, no. 50.

¹⁸ Decentralized Autonomous Organizations. A scoping paper... p. 39.

и иные обязательства ДАО, способствует соблюдению регулятивных требований к виду ее деятельности¹⁹.

«Чистые» ДАО — «структуры, реализуемые с помощью смарт-контрактов, с очень ограниченной внесетевой деятельностью, без регистрации юридической структуры и зачастую отвергающие (намеренно или иным образом) зависимость своего существования от закона и правовых институтов (хотя они все равно могут иметь правовые и регулятивные последствия)»²⁰. Для данного вида организаций характерна максимально возможная независимость от какой-либо юрисдикции, за что они получили название «ДАО—странников» («maverick DAOs») [Riva S., 2019/2020: 619].

«Чистая» ДАО может отвечать признакам полного товарищества или не инкорпорированной ассоциации, которые в ряде государств не являются юридическими лицами. Так, в Англии полное товарищество признается сугубо договорным объединением без самостоятельной правосубъектности. Если правом, применимым к ДАО в форме полных товариществ, окажется английское право, то солидарную ответственность по обязательствам такой онлайн-организации понесут ее участники—товарищи²¹.

Не инкорпорированная ассоциация (другой пример «чистой» ДАО) не обладает полной правосубъектностью, например, по праву США и Англии. Данная организация ведет деятельность через своих участников. По обязательствам такой ассоциации участники несут ответственность, которая может быть как полной (исчисляемой по правилам агентирования), так и ограниченной размером взносов. Кроме того, они могут выступать в качестве истцов и ответчиков в суде при рассмотрении споров, вытекающих из деятельности ассоциации.

Несмотря на немногочисленность судебной практики в этой сфере, уже имеется решение американского суда, признающее ДАО не инкорпорированной ассоциацией. Дело рассматривалось Федеральным окружным судом Северного округа Калифорнии по иску Комиссии торговли товарными фьючерсами (США) к Ooki DAO. Истец просил привлечь ДАО к ответственности за нарушение Закона о товарных биржах при проведении деривативных сделок с токенами. Квалификация крипто сообщества Ooki и определение его личного закона осуществлялись по праву места, где ответчиком велась фи-

¹⁹ Ibid., p. 13.

²⁰ Ibid., pp. 38–39.

²¹ Ibid., pp. 57–58.

нансовая деятельность, т.е. по праву Калифорнии. В соответствии с ним не инкорпорированная ассоциация — это «не инкорпорированная группа из двух или более лиц, объединенных по взаимному согласию для достижения общей законной цели, независимо от того, организована она для получения прибыли или нет»²². Таким образом, критериями определения такой ассоциации являются: наличие у группы общей цели и осуществление ею деятельности под общим названием.

Как установил суд, Ooki DAO указанные признаки были присущи. Организация являлась группой лиц, состоявшей из держателей токенов. Вступление держателей токенов в ДАО было добровольным, на что указывало отсутствие у участников возражений против передачи им в августе 2021 года контроля над базовым программным обеспечением платформы от прежнего владельца — общества с ограниченной ответственностью. В Ooki DAO имелась «общая законная цель», заключавшаяся в управлении ДАО, в том числе через распределение средств из финансового фонда. Токены наделяли своих владельцев правом голоса по определенным управленческим решениям, включая приостановление или прекращение торговли на финансовом рынке, внесение изменений в программный протокол, распределение средств из фонда, ребрендинг ДАО²³.

Калифорнийский суд удовлетворил иск Комиссии по торговле товарными фьючерсами и привлек Ooki DAO к ответственности за нарушение Закона США о товарных биржах. Ввиду правового статуса не инкорпорированной ассоциации такое решение может повлечь в дальнейшем привлечение к ответственности самих держателей токенов²⁴.

2. Коллизионно-правовое регулирование ДАО: основные подходы

Выбору применимого к ДАО права традиционно предшествует разрешение предварительного коллизионного вопроса. Он заключается в установлении правовой природы ДАО и определении применимого при этом права. Решение данного вопроса осложняется

²² California Corporations Code § 18035 (a). 2023. Available at: <https://law.justia.com/codes/california/code-corp/title-3/part-1/chapter-1/section-18035/> (дата обращения: 10.10.2024)

²³ Commodity Futures Trading Commission v. Ooki DAO. Filed 12.12.2022...

²⁴ Ibid. Filed 06.08.2023... See also: Decentralized Autonomous Organizations. A scoping paper... p. 13.

различным отношением национальных правопорядков к сетевым сообществам. Как правило, вопрос, является ли ДАО организацией, решается по праву страны, где она была учреждена [Guillaume F., 2023: 139–140]. Если установить место учреждения ДАО не удастся, ее квалифицируют по праву, установленному на основании других субсидиарно применяемых привязок (по месту администрирования, наиболее тесной связи). Так, швейцарское МЧП допускает квалификацию ДАО без надлежащей инкорпорации по праву страны, откуда организацией управляют²⁵. Необходимым при этом условием является проживание всех обеспечивающих управление участников на территории одного государства [Guillaume F., Riva S., 2023: 9–10]. Если же речь идет о ДАО, к которой не применимы имеющиеся привязки (ДАО–странник), то ее правовая квалификация будет проведена по праву суда [Guillaume F., 2023: 139].

Правила квалификации юридических понятий при определении надлежащего права по отечественному МЧП сформулированы в ст. 1187 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ; ГК). Толкование понятий осуществляется по российскому праву, а при неизвестности ему какого-либо термина допускается обращение к иностранному праву. В связи с малой изученностью ДАО и их многообразием более удачным следует признать иной подход, выражающийся в квалификации по *lex causae*, т.е. по праву страны, с которой отношение наиболее тесно связано [Гетьман-Павлова И.В., 2024: 257–260]. Тогда онлайн-сообщество квалифицируется по праву страны, где оно возникло или с которой наиболее тесно связано исходя из фактических обстоятельств. Только при неприменимости *lex causae* по вопросам толкования понятия ДАО оправдано обращение к праву суда, т.е. российскому праву.

Коллизионно-правовое регулирование правового статуса ДАО зависит от вида онлайн-сообщества. Цифровые юридические лица, характеризующиеся наименьшей степенью децентрализации, учреждаются «в признанной правовой форме, но с особым акцентом на использование DLT и смарт-контрактов в управлении и/или операциях»²⁶. Соответственно, коллизионный вопрос применительно к данной ДАО решается на общих основаниях, как в случае с иными организационно-правовыми формами. Личный закон цифрового

²⁵ Ст. 154 Федерального закона Швейцарии от 18.12.1987 (ред. от 01.02.2021) «О международном частном праве». Available at: URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/20755> (дата обращения: 10.10.2024)

²⁶ Decentralized Autonomous Organizations. A scoping paper... pp. 13–14.

юридического лица будет определяться с учетом таких критериев, как место учреждения, оседлости, центра эксплуатации и контроля [Ерпылева Н.Ю., Гетьман-Павлова И.В., 2007: 121]. В Российской Федерации правовой статус юридического лица подчинен праву страны, где оно учреждено²⁷. Личный закон ДАО как юридического лица будет отвечать на вопросы: какова правовая природа данного сетевого образования; каков состав и компетенция его органов; имеются ли должностные лица, уполномоченные действовать от его имени; несут ли ответственность участники по обязательствам организации; применимы ли к ней процедуры реорганизации и ликвидации и др.²⁸ В частности, если ДАО будет создана в форме вайомингской децентрализованной не инкорпорированной некоммерческой ассоциации (DUNA), применимым будет считаться право Вайоминга.

Аналогичным образом будет устанавливаться личный закон той организации или иной правовой формы, которая входит в состав гибридной ДАО и «оборачивает» часть ее структуры и деятельности.

Мультитерриториальность гибридной ДАО порождает множественность личных и иных статутов, подлежащих применению к различным ее частям. Данное явление видно на примере DASH DAO. В этом сетевом сообществе майнеры формируют распределенный реестр транзакций, а юридическая структура управления представлена четырьмя иными элементами: группой мастернод и тремя организационными структурами. Группа мастернод выполняет роль главного руководящего органа онлайн-организации, в компетенцию которого входит принятие решений по вопросам управления ДАО. Голосование мастернод проводится на основе смарт-контрактов.

Помимо группы мастернод, в управлении ДАО участвуют два юридических лица и траст: Dash Core Group, Inc., Dash Investment Foundation, Dash DAO Irrevocable Trust. Первая организация — Dash Core Group, Inc. (DCG) создана в американском штате Делавэр и является С-корпорацией. Она занимается стратегическим планированием, улучшением технологии и реализацией принятых группой мастернод решений. Этой компании принадлежат права на товарный знак «Dash». Вторая структура — безотзывный траст Dash DAO создан в Новой Зеландии. Он осуществляет доверительное управление акциями DCG и иными активами в пользу бенефициаров — мастернод. Мастерноды избирают ежегодно совет протекторов траста,

²⁷ П. 1 ст. 1202 ГК РФ.

²⁸ См., напр.: п. 3 ст. 1202 ГК РФ.

который в свою очередь формирует совет директоров в DCG, так как траст является владельцем ее акций. Совет протекторов обязан с учетом предложений мастернод инициировать изменение состава совета директоров корпорации. Благодаря описанным отношениям аффилированности траст предотвращает прекращение деятельности сетевого сообщества по решению разработчиков — участников DCG.

Третья организация — инвестиционный фонд (Dash Investment Foundation) зарегистрирован на Каймановых островах. Законодательство данной территории позволяет создавать фонды без бенефициаров и участников, что отвечает заинтересованности участников ДАО в сохранении анонимности. Инвестиционный фонд направляет средства на проекты, развивающие сеть Dash, вступает с этой целью в отношения с третьими лицами и в перспективе должен стать самокупаемой коммерческой структурой сообщества. Группа мастернод сохраняет корпоративный контроль над всеми тремя организациями, так как только она вправе принимать решения об их финансировании²⁹.

Каждая правовая форма, входящая в структуру Dash DAO, подчиняется помимо *lex cryptographica* (кода) собственному статуту. Личным законом Dash Core Group, Inc., определяемым по месту учреждения организации, будет выступать право Делавэра. Личным законом инвестиционного фонда Dash — соответственно право Каймановых островов.

Выбор права, применимого к трасту, основывается на ином подходе. Безотзывный траст Dash DAO, учрежденный в Новой Зеландии по английской модели, не является юридическим лицом. Однако лежащий в основе траста договор порождает правоотношения не только между его сторонами (учредителем и трасти), но и третьими лицами — бенефициарами, что сближает траст с организацией [Кондратьева Е.М., 2019: 46].

Коллизионно-правовое регулирование положения трастов предусмотрено в Гагской конвенции о праве, применимом к трастам, и их признании (1985)³⁰. По ст. 6 Конвенции траст регулируется правом, избранным (прямо или подразумеваемо) учредителем. Если применимое право не было избрано, то по ст. 7 траст регулируется правом,

²⁹ Dash Core Group Legal Structure Details. Available at: <https://www.dash.org/news/legal/> (дата обращения: 10.10.2024)

³⁰ Convention of 01.07.1985 on the Law Applicable to Trusts and on their Recognition. Available at: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=59> (дата обращения: 10.10.2024)

с которым он наиболее тесно связан в соответствии с названными в норме факторами.

В пункте 2 договора об учреждении траста Dash от 22.12.2017 надлежащим правом (*proper law*) названо право Новой Зеландии; споры, вытекающие из управления трастом, отнесены к компетенции судов данного государства. Правом на изменение компетентного права и юрисдикции наделены протекторы и трасти (после согласования с протекторами). Выбор иного надлежащего права не должен приводить к утрате юридической силы или неисполнимости положений о трасте, получению выгоды «исключенными» лицами (первоначальными доверительными управляющими, другими указанными трасти лицами), а также продлению срока действия траста³¹. Таким образом, выбор права после учреждения траста возможен при условии сохранения достигнутых договоренностей между заинтересованными лицами. Автономия воли сторон траста ограничена необходимостью учитывать интересы сети Dash, подчиняться ее целям.

Хотя траст основан на договоре, он имеет явное сходство с организацией без образования юридического лица: траст учреждается в результате передачи учредителем обособленного имущества, а протекторы и трасти наделяются полномочиями по управлению имуществом наподобие органов управления юридического лица. В России, не ратифицировавшей Гаагскую конвенцию о трастах, право, применимое к трасту, будет определяться на основании национальных коллизионных норм (вероятнее всего, по ст. 1203 ГК). В соответствии с этой статьей трасты, по аналогии с иностранными организациями без образования юридического лица, будут подчинены праву по месту учреждения [Касаткина А.С., 2016: 45–46]. Применительно к трасту Dash таким правом является новозеландское законодательство.

Наибольшие трудности вызывает выбор компетентного права при определении статуса «чистой» ДАО или юридически не «обернутых» элементов гибридной ДАО.

Современное коллизионное право во многом сформировалось под влиянием теории «оседлости» (Савиньи) и развивающей ее теории территориальной локализации трансграничного правоотношения. Данные доктрины предписывают устанавливать связь правоотношения с конкретной территорией, а значит и с действующим в ее границах правом, на основании того или иного критерия [Акимова Ю.М., 2015: 177–178], или связующего фактора. Концепция де-

³¹ Clause 11; clause 1.7 of the 5th Schedule of Deed of Settlement constituting the DASH DAO Irrevocable Trust on 22.12.2017. Available at: https://assets-global.website-files.com/5713afec1b6331b577731396/6282520934c76c32925251ea_DASH%20Deed%20of%20Settlement.pdf (дата обращения: 10.10.2024)

централизации управления в ДАО плохо согласуется с указанным принципом. Суть децентрализации в том, что в ДАО может быть множество равнозначных центров управления. Как правило, это исключает возможность отыскать фактор, связывающий организацию с территорией и юрисдикцией одного из государств. Современная доктрина оперирует термином «омнитерриториальность» («omniteritoriality») для описания «тех явлений, которые нельзя связать с конкретной страной, поскольку они имеют одновременные и одинаково действительные связи с юрисдикциями по всему миру»³².

Один из способов разрешения коллизии законов в отношении «чистых» ДАО предложен Законодательной комиссией Англии и Уэльса. По ее мнению, при определении права, применимого к вопросам создания, правовой природы и ответственности «чистых» ДАО, следует сосредоточиться на праве, регулирующем лежащий в их основе договор. Данный подход применим в двух случаях. Во-первых, он распространяется на ДАО, квалифицируемые в качестве полных товариществ и не инкорпорированных ассоциаций, не имеющих по английскому праву самостоятельной правосубъектности. В этом случае личный закон ДАО совпадает с обязательственным статутом договора, связывающего участников сетевого сообщества. Если же в соответствии с личным законом ДАО, например, в форме не инкорпорированной ассоциации, является правосубъектным лицом, то и в рамках иностранной (английской) юрисдикции она подлежит признанию в качестве иностранного юридического лица.

Во-вторых, право, регулирующее договор, будет единственно применимым к тем «чистым» ДАО, которые являются исключительно договорной конструкцией, основанной на агентском договоре, на соглашении об обслуживании пользователей или ином договоре, либо на совокупности договоров³³. Если собственно договорная ДАО не наделяется правосубъектностью в соответствии с обязательственным статутом, английское право (право суда) также вправе не признавать ее в качестве самостоятельного субъекта. Таким образом, обращение к договорному статуту для определения правового положения «чистых» ДАО оправдано, когда отношения ее участников полностью охватываются заключенным ими договором и отсутствует иная возможность определения места создания ДАО (например, по месту регистрации)³⁴.

³² Decentralized Autonomous Organizations. A scoping paper... pp. 218–219.

³³ Ibid., pp. 70–72.

³⁴ Ibid., pp. 236–239.

3. Проблемы коллизионно-правового регулирования ДАО в России

Актуальность коллизионно-правового регулирования ДАО возрастает в преддверии полной легализации майнинга в нашей стране³⁵. Вместе с легальной сетью майнеров на российской территории начнут появляться ДАО. Обращение к российскому праву при определении правового статуса ДАО оправдано, если онлайн-организация создается в России или если к созданной за границей ДАО невозможно применить иные коллизионные привязки (например, по месту учреждения).

С точки зрения российского гражданского права допустима квалификация «чистой» ДАО в зависимости от обстоятельств дела в качестве: простого товарищества; общественного объединения (общественной организации) без образования юридического лица³⁶; особого гражданско-правового сообщества.

Простое товарищество — договорное объединение двух или нескольких лиц (товарищей), соединяющих вклады и совместно действующих без образования юридического лица для достижения общей цели³⁷. Несмотря на договорную основу таких товариществ, они обладают признаками корпорации, что, например, подтверждается Общероссийским классификатором организационно-правовых форм. В данном акте простые товарищества отнесены к организациям, не являющимся юридическими лицами, наряду с представительствами, филиалами, паевыми инвестиционными фондами. Как определено в документе, «под простыми товариществами понимаются хозяйствующие субъекты без образования юридического лица, созданные на основе заключаемых по договору о совместной деятельности соглашений двух или нескольких лиц (товарищей), обязующихся соединить свои вклады и совместно действовать без образования юридического лица для извлечения прибыли или достижения иной, не противоречащей закону цели»³⁸.

³⁵ Федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 33 (часть I). Ст. 4917. Положения Закона, касающиеся майнинга, вступили в силу с 01.11.2024.

³⁶ Ст. 3 Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930. Далее — Закон об общественных объединениях.

³⁷ П. 1 ст. 1041 ГК РФ.

³⁸ ОК 028-2012. Общероссийский классификатор организационно-правовых форм, утв. Приказом Росстандарта от 16.10.2012 № 505-ст (ред. от 14.03.2023) // СПС Консультант Плюс.

Как и полные товарищи, участники ДАО вносят имущественные и неимущественные вклады в общее дело при вступлении в сетевое сообщество. Они могут преследовать как коммерческую, так и некоммерческую (например, благотворительную) цель. Однако для квалификации чистой ДАО в качестве простого товарищества требуется также третий признак — намерения участников действовать совместно. Данный признак наиболее трудно доказуем, так как участники в ДАО обычно не знают друг друга и их участие часто анонимно. Кроме того, сторонами договора простого товарищества, заключаемого для предпринимательской деятельности, могут быть только индивидуальные предприниматели и коммерческие организации³⁹, что далеко не всегда присуще ДАО.

При квалификации ДАО в качестве простого товарищества компетентное право будет определяться на основании коллизионной нормы, предусмотренной для договора такого товарищества (договора о совместной деятельности). Генеральной коллизионной привязкой при этом выступает автономия воли сторон⁴⁰. При отсутствии выбора сторон надлежющим считается право страны, где в основном осуществляется деятельность такого товарищества⁴¹. Хотя подчинение простого товарищества обязательственному статусу не в полной мере отвечает его корпоративной природе, указанная коллизионная норма предполагает, по сути, обращение к критерию центра эксплуатации (места основной хозяйственной деятельности), который используется и при определении личного закона юридического лица.

Второй субсидиарно применяемой к договору привязкой выступает принцип наиболее тесной связи. Обращение к нему допускается в двух ситуациях. Первая возникает, если применение специально предусмотренной для договора привязки не дало ожидаемого результата и из всех обстоятельств дела явно вытекает, что договор более тесно связан с правом иной страны⁴². Вторая ситуация складывается, если критерий основного места осуществления деятельности товариществом не позволяет определить компетентное право⁴³. Так как ДАО действует преимущественно в Интернете, связь такой деятельности с территорией государства, как правило, не всегда поддается установлению. К возможным факторам, указывающим на тес-

³⁹ Ст. 1041 ГК РФ.

⁴⁰ Ст. 1210 ГК РФ.

⁴¹ П. 4 ст. 1211 ГК РФ.

⁴² П. 9 ст. 1211 ГК РФ.

⁴³ П. 2 ст. 1186 ГК РФ.

ную связь ДАО с каким-либо государством, могут быть отнесены, например:

место проживания участников, сохраняющих «определенный контроль над управлением ДАО» [Guillaume F., 2023: 143]. Оно подлежит установлению по указанным участниками при регистрации в блокчейн-системе IP-адресам или иным персональным данным;

место (страна), на которое направлена деятельность ДАО.

Под общественным объединением понимается «добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе»⁴⁴. Данные организации могут создаваться без наделения их правами юридического лица: «Право граждан на создание общественных объединений реализуется как непосредственно путем объединения физических лиц, так и через юридические лица — общественные объединения»⁴⁵. Учредителями общественного объединения выступают граждане и юридические лица — общественные объединения, если иное не установлено законодательством⁴⁶.

Наибольшее сходство ДАО имеет с общественной организацией, представляющей собой разновидность общественного объединения, «основанного на членстве» и «созданного на основе совместной деятельности для защиты общих интересов и достижения уставных целей объединившихся граждан»⁴⁷. Общественная организация считается созданной не с момента регистрации, а с момента принятия ее участниками решения о создании, утверждения устава и формирования органов управления. Деятельность организации основывается на принципах добровольности, равноправия, самоуправления и законности [Сойфер Т.В., 2018: 32].

Как видно, с точки зрения российского законодательства в простом товариществе (с некоммерческими целями) договорные отношения преобладают над корпоративными. Правоотношения между участниками общественных организаций признаются бесспорно корпоративными по своей природе. В частности, в пользу данного наблюдения свидетельствует различие в основании внесения участниками вкладов. В простых товариществах вклады вносятся в силу

⁴⁴ Ч. 1 ст. 5 Закона об общественных объединениях.

⁴⁵ Там же Ч. 2 ст. 5. Возможность функционирования общественного объединения без государственной регистрации предусмотрена также в ч. 4 ст. 3 данного Закона.

⁴⁶ Там же. Ст. 6, 8.

⁴⁷ Там же. Ч. 1 ст. 8 Закона.

договора, в общественных организациях взносы уплачиваются на основании устава⁴⁸.

Таким образом, если предположить, что решением участников была создана ДАО, которая объединяет граждан для достижения некоммерческой цели, имеет утвержденный уставный документ и органы управления, то такая организация может быть квалифицирована как незарегистрированная общественная организация. По общему правилу, гражданская правосубъектность юридических лиц возникает с момента их государственной регистрации⁴⁹. До государственной регистрации общественные объединения (организации) будут осуществлять деятельность через своих членов. В интересах незарегистрированной общественной организации при заключении сделок должен действовать хотя бы один из ее участников от своего имени и за свой счет.

В случае признания ДАО общественной организацией, не обладающей самостоятельной гражданской правосубъектностью, ее личный закон будет определяться по праву страны, где эта организация учреждена⁵⁰. Логично при этом ориентироваться на место принятия учредителями решения о создании некоммерческой организации. При невозможности установить место учреждения ДАО в указанной форме определение компетентного права придется осуществлять на основании принципа наиболее тесной связи⁵¹ с рассмотрением всей совокупности обстоятельств, прежде всего основного места ведения деятельности.

Гражданско-правовое сообщество являет собой «группу лиц, наделенную полномочиями принимать на собраниях решения, с которыми закон связывает гражданско-правовые последствия, обязательные для всех лиц, имевших право участвовать в таком собрании» (участников юридического лица, собственников, кредиторов при банкротстве и других — участников гражданско-правового сообщества), «а также для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений»⁵². Данная дефиниция охватывает

⁴⁸ П. 1 ст. 123.7 ГК РФ.

⁴⁹ Ст. 51 ГК РФ.

⁵⁰ Ст. 1202, 1203 ГК РФ.

⁵¹ П. 2 ст. 1186 ГК РФ.

⁵² П. 2 ст. 181.1 ГК РФ; п. 103 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

различные юридические конструкции, включая юридические лица, договорные объединения лиц, организации без статуса юридического лица, группы лиц, в частности холдинги.

Обязательным требованием, которому должно соответствовать гражданско-правовое сообщество, является право группы принимать юридически значимые решения, способные порождать гражданско-правовые последствия как в отношении самих участников, так и третьих лиц [Аюшева И.З., 2020: 103]. Хотя данное свойство решений чистых ДАО формально не закреплено в российском законодательстве, оно вытекает из существа возникающих правоотношений. Обязанность участников подчиняться принятым в онлайн-сообществе решениям закреплена во внутренних документах ДАО (Белой книги и т.п.), а для каждого участника возникает вследствие заключения смарт-контракта. Третьи лица вынуждены подчиняться решениям участников ДАО, так как заинтересованы в получении от сообщества инвестирования, цифровых и иных услуг (например, по обмену криптовалютой).

Таким образом, ДАО, не являющаяся юридическим лицом, простым товариществом или общественной организацией без образования юридического лица, может быть квалифицирована в качестве иной, особой формы гражданско-правового сообщества. При четкой внутренней организации такое гражданско-правовое сообщество будет особым корпоративным объединением, правовой статус которого потребует законодательного закрепления. Личный закон ДАО как особого гражданско-правового сообщества по аналогии закона может быть определен на основании критериев инкорпорации или наиболее тесной связи⁵³.

Признание применимым российского права приведет к распространению на решения ДАО главы 9.1 «Решения собраний» части 1 ГК. Некоторые положения данной главы уже адаптированы под технологические особенности функционирования онлайн-организаций. Например, члены гражданско-правового сообщества вправе участвовать в заседаниях дистанционно, а в заочном голосовании — с использованием электронных или иных технических средств⁵⁴. Другие нормы в меньшей степени отвечают интересам ДАО. Например, нередко голосование в ДАО проходит анонимно, подсчет голосующих участников ведется только по их публичным IP-адресам. По этой причине требование закона, в соответствии с которым способы

⁵³ Ст. 1202, 1203, 1186 ГК РФ.

⁵⁴ П. 1 ст. 181.2 ГК РФ.

участия в заседании должны позволять достоверно установить голо-
сующее лицо, окажутся неисполнимыми⁵⁵.

Заключение

В основе ДАО лежит идея свободного объединения лиц в сети ради достижения общей цели. Данная форма самореализации участников гражданского общества позволяет сгладить такие барьеры, как государственные границы, различия политических, экономических и правовых систем. Суть явления обуславливает его трансграничный характер, достигающий масштабов мультитерриториальности или омнитерриториальности, что допускает рассмотрение ДАО в качестве специфического субъекта международного частного права.

К основным квалифицирующим признакам ДАО следует отнести децентрализованное корпоративное управление и специфическое регулирование посредством *lex cryptographica*. Децентрализованное корпоративное управление характеризуется равным доступом участников к управлению организацией и к контролю посредством механизма распределенного консенсуса. По степени децентрализации управления возможно выделение трех видов ДАО: это цифровое юридическое лицо, гибридная и «чистая» ДАО. *Lex cryptographica* — частная (негосударственная) система правил, основанная на блокчейн-протоколе (коде) и обеспечивающая взаимодействие участников сетевого сообщества.

ДАО не является самостоятельной организационно-правовой формой со своим правовым режимом, поэтому трудности встают уже при разрешении предварительного коллизионного вопроса. На этой стадии требуется дать правовую оценку онлайн-организации и выбрать применимое к квалификации право. В связи с многообразием ДАО наиболее удачным следует считать ее квалификацию по *lex causae*: праву страны, где организация учреждена или с которой имеется наиболее тесная связь, устанавливаемая, например, на основании критериев оседлости или центра эксплуатации. При неприменимости данных коллизионных критериев оправдано обращение по вопросам квалификации к праву суда.

Правовая природа и статус цифрового юридического лица и юридически оформленных элементов гибридной ДАО определяется на основании традиционных коллизионных привязок (закона инкорпорации, центра эксплуатации и т.п.), порядок применения которых в большинстве случаев уже сложился.

⁵⁵ Там же.

Наибольшие трудности возникают с «чистыми» ДАО, в качестве которых могут выступать: исключительно договорные объединения участников, связанные, например, агентированием, и корпоративные образования договорного характера без самостоятельной правосубъектности. В первом случае правовой статус ДАО будет определяться обязательственным статутом договора, заключенного между его участниками. Во втором случае обоснованным следует признать предложенный английским правом подход. Правовой статус «чистых» ДАО, являющихся организациями без самостоятельной правосубъектности (например, не инкорпорированными ассоциациями), должен определяться по личному закону, который будет совпадать с обязательственным статутом договора, связывающего участников сообщества. Иначе говоря, обязательственный статут договора между участниками ДАО, являющейся не инкорпорированной ассоциацией, будет в том числе регулировать вопросы, обычно охватываемые личным статутом организации и касающиеся правовой природы, правосубъектности, управления, ответственности ДАО. Данный подход оправдан при условии, что основные и субсидиарные коллизионные привязки, относящиеся к определению личного закона традиционной корпорации, оказались бесполезными.

С позиций российского гражданского права «чистая» ДАО положительно может быть квалифицирована в качестве простого товарищества, общественной организации без образования юридического лица или иного, особого гражданско-правового сообщества. В первом случае к ДАО будет применяться право, регулирующее договор простого товарищества. Таким правом признается избранное сторонами право, а при отсутствии выбора — право страны, где в основном осуществляется деятельность товарищества. Личный закон ДАО как общественной организации, осуществляющей деятельность без образования юридического лица, будет определяться по праву страны, где эта организация учреждена. Личный закон ДАО, признаваемой иным гражданско-правовым сообществом, ввиду его корпоративной природы будет определяться по месту инкорпорации либо на основании критерия наиболее тесной связи.

Список источников

1. Акимов Ю.М. Принципы международного частного права: дис. ... к. ю. н. М., 2015. 210 с.
2. Аюшеева И.З. Гражданско-правовые сообщества в условиях экономики совместного потребления // Актуальные проблемы российского права. 2020. Том 15. № 6. С. 95–104.

3. Ерпылева Н.Ю., Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право. Практикум. М.: Эксмо, 2007. 768 с.
4. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право. В 3 томах. Том 1. Общая часть: учебник для вузов. 6-е изд. М.: Юрайт, 2024. 320 с.
5. Касаткина А.С. Гаагская конвенция о праве, применимом к трастам, и их признании // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 5. С. 44–48. DOI: <https://doi.org/10.12737/21838>.
6. Кондратьева Е.М. Траст как классический механизм налогового и наследственного планирования // Законность и правопорядок. 2019. № 4. С. 44–50.
7. Кондырев В.А. Децентрализованные автономные организации: новый путь к принятию решений // Цифровая экономика. 2018. № 2. С.23–30. DOI: [10.34706/DE-2018-02-02](https://doi.org/10.34706/DE-2018-02-02).
8. Мажорина М.В. О коллизии права и «неправа», реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // Lex Russica. 2019. № 7. С. 93–107. DOI: [10.17803/1729-5920.2019.152.7.093-107](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.152.7.093-107).
9. Сидоренко Э.Л. Децентрализованные автономные организации в системе современного права: к постановке проблемы // Lex Russica. 2024. № 1. С. 119–132. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.206.1.119-132>.
10. Сойфер Т.В. Некоммерческие организации: проблемы гражданской правосубъектности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 30–39. DOI: [10.12737/art_2018_1_3](https://doi.org/10.12737/art_2018_1_3).
11. Binetti V.M. Decentralized Autonomous Organizations (DAOs): Evolution, Taxonomy and Legal Challenges. Roma: Link Campus University, 2023, 95 p. DOI: [http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4848308](https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4848308).
12. De Filippi P., Wright A. Blockchain and the Law: The Rule of Code. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2018. 312 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv2867sp>.
13. Guillaume F. Decentralized Autonomous Organizations (DAOs) Before State Courts. How Can Private International Law Keep Up With Global Digital Entities? In: Perestrelo de Oliveira M., Garcia A. (eds.) DAO Regulation: Principles and Perspectives for the Future. Tübingen: Mohr Siebeck, 2023, pp. 135–168. DOI: [http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4492934](https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4492934).
14. Guillaume F., Riva S. Blockchain Dispute Resolution for Decentralized Autonomous Organizations: The Rise of Decentralized Autonomous Justice. In: Bonomi A. et al. (eds.) Blockchain and Private International Law. Leiden: Brill/Nijhoff, 2023, pp. 549–641. DOI: [http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4042704](https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4042704).
15. Hassan S., De Filippi P. Decentralized Autonomous Organization. Internet Policy Review, 2021, vol. 10, issue 2, pp. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.14763/2021.2.1556>.
16. Hassan S., De Filippi P. The Expansion of Algorithmic Governance: From Code Is Law to Law Is Code. Field Actions Science Reports: The Journal of Field Actions, 2017, special issue 17: Artificial Intelligence and Robotics in the City, pp. 88–90. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3117630> (дата обращения: 10.10.2024).
17. Riva S. Decentralized Autonomous Organizations (DAOs) in the Swiss Legal Order. Yearbook of Private International Law, 2019/2020, vol. 21, pp. 601–638. DOI: [10.9785/9783504386962-028](https://doi.org/10.9785/9783504386962-028).

References

1. Akimova Yu. M. (2015) Principles of international private law. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Moscow, 210 p. (in Russ.)

2. Ayusheeva I.Z. (2020) Civilian law entities within economy of common consumption. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*=Issues of Russian Law, vol. 15, no. 6, pp. 95–104 (in Russ.)
3. Binetti V.M. (2023) Decentralized autonomous organizations (DAOs): evolution, taxonomy and legal challenges. Roma: Link Campus University, 95 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4848308>.
4. De Filippi P., Wright A. (2018) Blockchain and the law: the rule of code. Cambridge: Harvard University Press, 312 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv2867sp>.
5. Erpyleva N. Yu., Get'man-Pavlova I.V. (2007) International private law. Praktikum. Moscow: Eksmo, 768 p. (in Russ.)
6. Get'man-Pavlova I.V. (2024) International private law. Vol. 1. General part. Moscow: Yurait, 320 p. (in Russ.)
7. Guillaume F. (2023) Decentralized Autonomous Organizations (DAOs) in front of courts. How can private international law keep up with global digital entities? In: A. Perestrelo de Oliveira, A. Garcia (eds.) DAOs Regulation: Principles and Perspectives for the Future. Tübingen: Mohr Siebeck, pp. 135–168. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4492934>.
8. Guillaume F., Riva S. (2023) Blockchain dispute resolution for DAOs: the rise of decentralized autonomous justice. In: A. Bonomi et al. (eds.) Blockchain and Private International Law. Leiden: Brill/Nijhoff, pp. 549–641. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4042704>.
9. Hassan S., De Filippi P. (2021) Decentralized Autonomous Organizations. *Internet Policy Review*, vol. 10, issue 2, pp. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.14763/2021.2.1556>.
10. Hassan S., De Filippi P. (2017) The expansion of algorithmic governance: from code is law to law is code. *Field Actions Science Reports: The Journal of Field Actions*, no. 17, pp. 88–90. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3117630> (accessed: 10.10.2024)
11. Kasatkina A.S. (2016) The Hague Convention on law applied to trusts and its recognition. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*=Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence, no. 5, pp. 44–48 (in Russ.) DOI: <https://doi.org/10.12737/21838>.
12. Kondrat'eva E.M. (2019) Trust as classic example of mechanism of tax and hereditary planning. *Zakonnost' i pravoporyadok*=Legality and Rule of Law, no. 4, pp. 44–50 (in Russ.)
13. Kondyrev V.A. (2018) DAOs: new way to decision-making. *Cifrovaya ekonomika*=Digital Economy, no. 2, pp. 23–30 (in Russ.) DOI: 10.34706/DE-2018-02-02.
14. Mazhorina M.V. (2019) Collision of law and non-law, renovation of *lex mercatoria*, smart-contracts, and blockchain arbitration. *Lex Russica*, no. 7, pp. 93–107 (in Russ.) DOI:10.17803/1729-5920.2019.152.7.093-107.
15. Riva S. (2019/2020) DAOs in the Swiss legal order. *Yearbook of Private International Law*, vol. 21, pp. 601–638. DOI:10.9785/9783504386962-028.
16. Sidorenko E.L. (2024) DAOs in a system of modern law. *Lex Russica*, vol. 77, no. 1, pp. 119–132 (in Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.206.1.119-132>.
17. Sojfer T.V. (2018) Non-commercial bodies: aspects of civilian legal personality. *Zhurnal rossijskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 1, pp. 30–39 (in Russ.) DOI: 10.12737/art_2018_1_3.

Информация об авторе:

Е.А. Крутий — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

E.A. Krutiy — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.10.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to editorial office 26.10.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 04.02.2025.